

Эдуард
АСАДОВ

— — — — —
— — — — —
Что такое
счастье

Эдуард Аркадьевич Асадов

Что такое счастье

Серия «Золотая серия поэзии (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43126928

Э. А. Асадов. Избранное: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2019

ISBN 978-5-699-16801-9, 978-5-699-82429-8

Аннотация

Каждая строчка Эдуарда Асадова дышит любовью, радостью жизни, верой в добро. Поэт как бы приглашает читателя в волшебное путешествие по миру поэзии, высоких чувств и светлых размышлений. В настоящее издание вошли лучшие образцы лирики поэта.

Содержание

Дорога в завтрашний день	5
Новые строки	17
Дорожите счастьем, дорожите!	34
Они студентами были	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Эдуард Асадов

Избранное

© Асадов Э. А. Наследник, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Дорога в завтрашний день

Выпускной бал в нашей 38-й московской школе состоялся 14 июня 1941 года. И хотя одеты мы были проще, чем, скажем, выпускники теперешних послевоенных лет (материальные возможности у наших родителей были скромнее), но одевались и наглаживались мы все-таки на славу и веселились никак не меньше, а может быть, и еще горячее. И эмоциональность эта в какой-то мере определялась неуловимым ощущением тревоги и грусти, видимо, большей, чем обычная разлука после промчавшихся школьных лет.

В актовом зале сияли все плафоны и люстры, без устали трудилась старенькая школьная радиолка, кружились бесконечные пары, а над головами, через усилитель, словно бы импонируя нашему настроению, катился по лестницам и коридорам голос Вадима Козина:

Давай пожмем друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года!..

Мы танцевали, остряли, пожимали друг другу ладони и никак не знали, что со многими расстанемся не на месяц, не на год и не на «долгие года», а до конца своих дней, навсегда...

22 июня 1941 года над Москвой стоял солнечный, яркий

рассвет Я возвращался из Подмоскovie, где с субботы на воскресенье на станции Лосиноостровская ночевал у своей тетки. В вагоне электрички было шумно и весело. Как-никак впереди целый воскресный и очень хороший солнечный день! Люди громко переговаривались, шелестели заиндевевшими бумажками от эскимо, перелистывали свежие газеты и журналы.

Приехали на Ярославский вокзал. Двери вагонов раскрылись, и тут словно тревожный ветер пробежал по сердцам. Оживление пошло вниз.

Перед репродуктором плотная толпа молчаливых людей. На одних лицах – растерянность, на других – напряжение и суровость. Неторопливый, но взволнованный голос Молотова сообщает о нападении гитлеровской Германии на нашу страну...

Дома у меня лежало заявление в институт. И даже не одно, а целых два заявления.

Дело в том, что с раннего детства тянули меня к себе почти с одинаковой силой два прекрасных и удивительных мира, имя которым: «Литература» и «Театр». С восьми лет писал я стихи и с этого же возраста самозабвенно занимался в драматических кружках и кружках художественного слова. Чего во мне больше? Кто я все-таки по призванию: поэт или театральный режиссер? Этого я до последней минуты так решить и не мог. А точнее, не успел. Все дальнейшее помогла определить сама жизнь. Началась война, и решать теперь уже

надо было совсем иные проблемы. Над страной полетел призыв: «Комсомольцы – на фронт!» И я порвал оба мои заявления. Сел и написал третье. На этот раз в райком комсомола с просьбой отправить меня добровольцем на фронт. Мне было тогда семнадцать лет.

...Вечером я пришел в райком, а утром мама провожала меня с небольшим рюкзачком на плечах к райкомовскому грузовику, где меня ожидала группа таких же безусых добровольцев, полных решимости сражаться с врагом до конца. Мама несла в руке букетик гвоздик. Но так и забыла в волнении, прощаясь, протянуть их мне. И до сих пор, как тогда из машины, вижу ее одинокую, чуть ссутулившуюся от горя фигурку на углу Кропоткинской улицы возле Дома ученых с забытым букетом в руке...

Летом 1941 года под Москвой формировались первые дивизионы и полки знаменитых «катюш» – грозных артминометных установок. Оружие это было секретным, и личный состав гвардейских частей состоял в те дни только из комсомольцев и коммунистов. Должность я получил уважаемую и серьезную – наводчик орудия, хотя в батарее я был самым молодым.

После недолгой, но интенсивной учебы наш 3-й дивизион 4-го гвардейского артминометного полка был «отпочкован» и направлен под Ленинград. И с этого момента стал называться 50-м Отдельным гвардейским артминометным дивизионом.

Враг бешено рвался к городу и был уже на его подступах. Так что остановить его мог только очень крепкий и неожиданный отпор. Наш залп как раз и явился таким хлестким и оглушающим ударом. И дали мы его 19 сентября 1941 года в районе Синявино. При всех тяготах и драматизме тех дней, улыбка все-таки однажды пробежала по нашим сердцам. Дело в том, что «катюши», повторяю, были секретным оружием. И о его существовании, а тем более о прибытии на фронт, не знал никто – ни враги, ни наши бойцы. И вот когда мы дали первый могучий залп, то немцы бросились в одну сторону, а наши – от неожиданности – в другую... Потом бойцы очень полюбили подразделения гвардейских минометов. И тогда же, осенью 1941 года, под стенами Ленинграда бойцы с нежностью стали называть их «катюшами». И под этим именем прошли они всю войну.

В это тяжелейшее и жесточайшее время наш дивизион носился с участка на участок по всему Волховскому фронту и в самых прорывных и трудных местах давал залпы. Всего за зиму 1941–1942 годов я из своего орудия дал 318 залпов по врагу. В переводе на «огневой» язык – это 5088 снарядов весом в 50 килограммов каждый! И это только из одного моего орудия, отправившего на тот свет не одну сотню любителей чужой земли.

Жгучие тридцати-сорокаградусные морозы, сотни и сотни километров туда и обратно вдоль изломанной линии фронта: Вороново, Гайтолово, Синявино, Мга, Волхов, де-

ревня Новая, Поселок № 1, Путилово...

Разве расскажешь о дневных и ночных залпах, иногда прямо под тяжелейшим артогнем, разве поведаешь в двух-трех словах о том, как несколько раз с боями пробивались из окружения, как дважды была подбита и горела моя боевая установка и после быстрого ремонта снова возвращалась в строй?! Разве передашь в кратком разговоре о том, как тяжело хоронить убитых друзей, еще час назад веселых, теплых, живых!.. Однако, несмотря на все смертельно тяжелое, порой непосильное и леденящее душу, в грядущей победе нашей не сомневались ни на миг. В перерывах между боями я писал стихи. Некоторые из них, такие, как «Письмо с фронта», «На исходный рубеж», «В землянке», через несколько лет вошли в первую книгу моих стихов.

Весной 1942 года был тяжело ранен командир орудия, и на его место назначили меня. Приходилось выполнять две обязанности сразу: командира орудия и наводчика. Справлялся, кажется, неплохо.

Оружие наше было новым, и офицерских кадров не хватало. Получили приказ самых опытных и образованных младших командиров срочно направить в офицерские училища.

Осенью 1942 года я с группой моих товарищей, обстрелянных фронтовиков, был срочно командирован во 2-е Омское гвардейское артминометное училище. Шесть месяцев занятий по удвоенной и утроенной программе. За этот срок нужно было пройти курс двухлетнего мирного училища. И

мы проходили. Занимались по тринадцать-шестнадцать часов в сутки, уставали смертельно, но не сдавались. Учились хорошо. Знали: мы нужны фронту, а это было самым главным и важным в те дни.

В мае 1943 года, успешно сдав экзамены и получив офицерское звание и грамоту за отличные успехи, снова поехал на фронт. Омск был в те времена глубочайшим тылом. Здесь даже светомаскировка отсутствовала. Война, где решалась судьба страны, друзей, что дрались, не щадя себя, была далеко-далеко. И хотелось как можно скорей уехать из «тыловых краев» туда, к борьбе, к фронтовым побратимам!

И снова фронт. На этот раз не в снегах и болотах, а в степи под станицей Крымская возле знаменитой впоследствии «Малой земли».

Меня сразу же направили в 50-й гвардейский артминометный полк, где должности огневика не было. И вместо командира взвода или комбата я был назначен начальником связи дивизиона. Однако воин должен уметь все. И я старался, работал на совесть. Хотя воевал неплохо, но должность начальника связи мало волновала мне душу. Я был, что называется, «прирожденным огневиком». Мне надо было вести дела с батареями, готовить расчеты огня, давать залпы по врагу. Думаю, что судьба это поняла. Поняла и ликвидировала должности начальников связи дивизионов.

4-й Украинский фронт. Последняя и, пожалуй, самая трудная страница моей боевой жизни. На этот раз я уже сно-

ва был «огневи́ком». Сначала помкомбата, а когда комбат Турченко под Севастополем «пошел на повышение», – командиром батареи.

Итак, снова дороги и снова бои: Чаплино, Софиевка, Запорожье, Днепропетровщина, Мелитополь, Орехов, Аскания-Нова, Перекоп, Армянск, Совхоз, Качи, Мамашай, Севастополь. Упрямо дрались. В редкие минуты затишья пели вполголоса задумчивые песни: «Когда в поход я уходил», «Кто сказал, что надо бросить песни на войне», уже ставшие тогда известными «Огонек» и «Шаланды, полные кефали».

Не стану рассказывать о том, как ломали под Перекопом оборону врага, как, шагая на огневые, месили по ночам густую, как глина, и липкую, как клей, серую грязь Сиваша.

Нет сейчас ни места, ни времени, чтобы рассказать обо всех друзьях, победах, тяготах и потерях. Ограничусь лишь тем, что скажу: жили бурно, горячо, умели воевать и умели шутить. Каждый чувствовал локоть товарища, и никто ни разу не пожаловался и в тяжкую минуту не предал друзей. Да, никто.

Прорвавшись через Перекоп, наши войска покатились на юг неудержимо, с какой-то напористой и веселой злостью.

«Товарищи! Завоюем славу освободителей Крыма», – горели лозунги на стенах домов. Русское и украинское население встречало нас бурно, радостно, с молоком, калачами и полными слез глазами. Целовали, как родных, и буквально заставляли взять калач или булку.

Бои в Крыму подходили к концу. Силами 2-й Гвардейской армии, силами 9-й Приморской, силами славных и доблестных моряков Крым озарялся пятиконечными звездочками и улыбками наших солдат. У врага оставался только один Севастополь. Но теперь уже совсем ненадолго. Ибо это же был Севастополь! Город Нахимова и Ушакова, Лазарева и Корнилова, тысяч и тысяч известных и неизвестных матросов и солдат – героев и патриотов родной земли.

Сколько же мог сидеть там еще враг, если каждый камень в этом городе обжигал ему пятки, как раскаленный металл!

Впервые в жизни возле Качи увидел море... С высокого холма оно сверкало под солнцем. Оно было ярким, синим-синим, выпуклым и громадным. Пораженный, велел шоферу затормозить. Смотрел долго, радостно и неотрывно. Затем, сдернув пилотку, дружески помахал ему из кабины.

1 мая 1944 года. Любимый наш праздник, а праздновать некогда. Готовимся к штурму позиций врага, к последним боям за Севастополь. Знаем, будет тяжело и жарко. Врагу деваться некуда. Кораблей у него не хватает. И драться он будет как обреченный.

И вот здесь, в боях за освобождение Севастополя, при подготовке к решающему залпу перед штурмом укреплений врага, утром 4 мая 1944 года я был ранен.

...Что было потом? А потом был госпиталь и двадцать шесть суток борьбы между жизнью и смертью. «Быть или не быть?» – в самом буквальном смысле этого слова. Когда со-

знание приходило – диктовал по два-три слова открытку маме, стараясь избежать тревожных слов. Когда уходило сознание, бредил.

Было плохо, но молодость и жизнь все-таки победили. Впрочем, госпиталь был у меня не один, а целая обойма. Из Мамашаев меня перевезли в Саки, затем в Симферополь, потом в Кисловодск в госпиталь имени Десятилетия Октября (теперь там санаторий), ну а оттуда – в Москву. Переезды, скальпели хирургов, перевязки. И вот самое трудное – приговор врачей: «Впереди будет все. Все, кроме света». Это-то мне предстояло принять, выдержать и осмыслить, уже самому решать вопрос: «Быть или не быть?» А после многих бессонных ночей, взвесив все и ответив: «Да!» – поставить перед собой самую большую и самую важную для себя цель и идти к ней, уже не сдаваясь.

Я вновь стал писать стихи. Писал и ночью и днем, и до и после операции, писал настойчиво и упорно. Понимал, что еще не то и не так, но снова искал и снова работал. Однако какой бы ни была твердой воля у человека, с каким бы упорством ни шел он к поставленной цели и сколько бы труда ни вложил в свое дело, подлинный успех ему еще не гарантирован. В поэзии, как и во всяком творчестве, нужны способности, талант, призвание. Самому же оценить достоинство своих стихов трудно, ведь пристрастнее всего относиться именно к себе.

Моих стихов не читал еще ни один профессиональный

писатель. Надо не ошибиться и послать тому, в чье слово веришь. Больше всего боялся, что ответят снисходительно, как-никак автору работать трудно... А мне нужен был прямой и ясный ответ, без малейшей скидки. И вот я решил: пошлю Корнею Чуковскому. Еще до госпиталя, однажды в библиотеке, прочел его статью о переводах Шекспира Анной Радловой. Статья была настолько умной, едкой и беспощадной, что от бедной переводчицы, я думаю, остались лишь туфли да прическа.

Итак, это не только автор веселых детских книжек, но и жесткий и зубастый критик. Вот это мне и было нужно. Послал тетрадь стихов Корнею Ивановичу. Жду. Проходит несколько дней, и вдруг... Ответ!

«Дорогой Эдуард Аркадьевич! (Это я-то Эдуард Аркадьевич, в мои двадцать лет!)

...От души благодарю Вас за письмо и за доверие. Однако же сразу должен предупредить, что, оценивая стихи, не кривлю душой и не стараюсь «подсластить пилюлю», как бы ни была она горька. Тем более с Вами. Тут я считал бы это просто кощунственным».

Ну а дальше, после такого «предупредительного грома» блеснула и молния. От посланных мною стихов остались, пожалуй, только моя фамилия и даты. Все же остальное было разбито, разгрохано и превращено в пыль и прах. И сил на это было потрачено немало, так как почти каждая строка бы-

ла снабжена пространными комментариями.

Самым же неожиданным был вывод: «...Однако, несмотря на все сказанное выше, с полной ответственностью могу сказать, что Вы – истинный поэт. Ибо у Вас есть то подлинное поэтическое дыхание, которое присуще только поэту! Желаю успехов. К. Чуковский».

Думаю, что слова эти сделали для меня больше, чем многие лекарства и витамины. Я и сейчас благодарен веселому и колючему старику за эти искренние и светлые слова.

Никогда не забуду этого 1 мая 1948 года. И того, каким счастливым я был, когда держал купленный возле Дома ученых номер «Огонька», в котором были напечатаны мои стихи. Вот именно, мои стихи, а не чьи-то другие! Мимо меня с песнями шли праздничные демонстранты, а я был, наверное, праздничнее всех в Москве!

Сколько потом было в моей жизни всевозможных публикаций как в нашей стране, так и за рубежом, но первая публикация, как и первая любовь, не забывается никогда!

Годы учебы в Литературном институте были бурными, напряженными и яркими. Случались взлеты и неудачи, победы и огорчения. Но сдаваться – не сдавался никогда ни в творчестве, ни в учебе...

А затем – работа, стихи. Встречи с читателями Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Тбилиси, Еревана, Ташкента, Минска, Новосибирска, Свердловска, Омска, Одессы и десятков других городов, больших и малых... Все назвать тут

попросту невозможно.

Выступаю я вот уже много лет таким образом не ради афиш и оваций, а ради встречи с людьми и ради, если так можно сказать, аккумуляирования высокой энергии человеческих сердец, ради сопричастности чему-то общему, важному для нас для всех. Потому и продолжаю жить, писать стихи...

Эдуард Асадов

Асадов Эдуард Аркадьевич, поэт, прозаик. Родился 7 сентября 1923 года в г. Мары (Туркмения). Учился в школах Свердловска и Москвы. Ушел на фронт со школьной скамьи, добровольцем, в 1944 г. был тяжело ранен под Севастополем. В 1951 г. окончил с отличием Литературный институт. Почетный гражданин города-героя Севастополя. Герой Советского Союза.

Автор 47 книг.

Новые строки

Высокий свет

Мы привыкли всегда вспоминать о Боге,
Не тогда, когда в сердце веселый свет,
А когда мы в беде, а когда мы в тревоге
И надежд впереди осязаемых нет.

Когда боль нас грызет и обида гложет,
И невзгоды теснят нас со всех сторон,
Кто придет к нам? Поддержит, простит, поможет?
Вопрошать бесполезно: конечно, Он...

Так давайте ж подумаем вновь и вновь
Но всерьез, а не как-нибудь там поспешно:
Почему в нас всех крепче живет любовь
Не к другим, а к себе так светло и нежно?

А секретов-то нету здесь никаких.
Тут напротив: прямая как свет дорога:
Потому, что любить горячо других
Это значит любить всей душой Бога!

Что скрывать: жизнь, конечно же, не проста,
Тут важнее всего не посты-молитвы,

А к другим, словно мир посредине битвы,
То есть к людям высокая доброта.

И, коль станет Любовь этой вечной базой, —
Светлым ветром надуются паруса...

И тогда за дела, а отнюдь не фразы,
Улыбнутся душе твоей небеса...

13 июня 2001 г.

Красновидово

Бермудская погода

Она его безжалостно бранит
За то, что от забот она устала,
Что все не так, всего на свете мало...
А он — ни слова. Каменно молчит.

Молчит, как позабытый богом остров,
Встречая выюги и сварливый гром.
Как терпит он характер этот чертов?
И по столу не стукнет кулаком?!

Да, он молчит и бурь не затевает,
Хоть не приемлет этот дикий стиль.
Так кто ж молчанье это разгадает?
Не в том ли суть, что он отлично знает,
Что после бури наступает штиль.

Штиль, полный ярко-радужного света,
Где соловьи поют до хрипоты,
Где всё горячей нежностью согрето
И, хохоча, сбываются мечты...

Он снова и обласкан, и любим,
Она смахнет и хмарь, и непогоду,
А будь невзгода – кинется за ним
Без колебаний и в огонь, и в воду!

Казалось бы: настали чудеса,
И больше нет ни холода, ни хмури,
Но минет золотая полоса —
И грянут снова жалобы и бури...

Так как же можно мучить и любить?
Увы, вразрез и смыслу, и природе,
Почти решая: «быть или не быть?»
Ну почему не могут люди жить
Всегда-всегда при солнечной погоде?!

12 августа 2001 г.

Москва

Двойные души

Немало знавал я и стуж, и огня,

Исполнен доверья и недоверья.
И все же всю жизнь поражали меня
Люди с двойной бухгалтерией.

Ну можно ль к высоким шагать делам,
А втайне едва ль ни ежеминутно
Сегодня молиться одним богам,
А завтра другим, другим абсолютно!

На службе он – сокол, с каким огнем
Он преданно смотрит в глаза начальству!
И преданность эта – почти как пьянство,
Где хмель ощутимее с каждым днем!

Кипит он как новенький яркий чайник,
Чей жар вместе с паром летит в зенит.
Но вот появился другой начальник
И прежний мгновенно навек забыт...

Россия, страна моя! Вспомни, сколько
Тебе испытаний познать пришлось:
Враги твои, как ни была ты стойка,
Порой тебя грызли, как волки кость!

А люди же жили всегда по-разному:
Одни, с благороднейшими сердцами,

Держались, согласно чести и разуму,
Другие виляли вовсю хвостами...

Казалось бы: с правдой они на ты.
Но если попристальней приглядеться,
То вот они: люди-приспособленцы,
Чьи души – виляющие хвосты...

Вот как они жили при прежней власти,
Имели и звания, и чины,
И деньги. Казалось бы: все для счастья.
Так нет же! Теперь они лгут со страстью,
Что были когда-то угнетены.

А те, кому было и вправду трудно
И горько порою, к чему скрывать!
Не очень-то любят кричать прилюдно
И все пережитое смаковать!

А горе смакуют совсем другие:
Рвачи-ловкачи из вороньих стай.
Им славно жилось и при той России,
И нынче для них абсолютный рай.

А если б вдруг в новой горячей спешке
На землю вернулась былая тень,

Они б повернулись с «орла» на «решку»
И стали б оплевывать этот день.

Вот так за редутом берут редут
Жучки, не достойные доброй речи.
Вы только взгляните: и там и тут,
Буквально же рядом с нами живут
Вот все эти флюгеры человечьи!

И, если ты истинный человек,
Борись, не страшась ни клевет, ни мнений,
Чтоб никогда и нигде вовек
Не предавать своих убеждений!
30 октября 2001 г.
Москва

Пусть уходят года

Звезды мягко смотрят с небосвода,
Время с ветром уплывают вдаль,
Где же ты была все эти годы?
С кем делила радость и печаль?

Знаю: каждый шел своей стезею
Сквозь невзгоды, радости и мрак...
Может встретиться раньше мы с тобою —
Многое сложилось бы не так...

Только светофор зеленый светится
В мире не для каждого порой.
Да и кто дозволил бы нам встретиться:
Ты была с другим, а я – с другой...

И к тому ж, как подтверждает практика,
Трудно, хоть за совесть, хоть за страх,
Два уже сложившихся характера
Подогнать как зубчики в часах.

Потому не стоит, ей же богу! —
Упрекать минувшие года.
Лучше, даже пусть не без труда,
Проложить нам новую дорогу.

Пусть же праздник – не сплошная нить,
И не просто в этом мире жить,
Только что нам сетовать с тобою,
Лучше просто верить и ценить
Все, что нам подарено судьбою!

Пусть хоть годы, хоть ветра в упор,
Все равно не поздно жить для счастья.
Вот и весь, пожалуй, разговор,
Все же остальное в нашей власти!

29 июня 2001 г.

Красновидово

Сказка о любви

Они без слов понимали друг друга,
И не было в мире сердец нежней.
Он бурно любил. А его подруга
Любила, быть может, еще сильнее.

Есть множество чувств на земной планете,
И все-таки, что там ни говори,
Навряд ли найдется прибор на свете,
Способный измерить накал любви.

Насколько все было у них счастливо —
Прочувствовать было бы слишком сложно.
Однако же было все так красиво,
Что попросту вычислить невозможно!

И все ж вдруг такое порой случается,
Что там, где все тысячу раз прекрасно,
Свершается вдруг до того ужасно,
Что просто в сознании не умещается...

Встречая всесенне-душистый шквал,
Шагнули они вдруг беде навстречу,

И в самый спокойный и светлый вечер
Попали под бешеный самосвал.

А дальше, как тысячи лет подряд,
Взлетев под сияющий свод святилища,
Они оказались у врат чистилища,
Откуда дорога и в рай, и в ад...

И, глядя печально в свои бумаги,
Сказал им сурово премудрый Петр:
«Хоть думай о горе, хоть думай о благе,
А промысел высший и чист и тверд.

Кому-то грустится, кому-то хохочется,
Ведь судьбы не мы, а за нас вершат,
Не все получается так, как хочется,
Тебе – он сказал ей – дорога прочится
Отныне и присно в крошечный ад.

Когда-то ты в юности нагрешила,
И ныне, что выпало – принимай.
А мужу иное Судьба решила:
Грешил ты немного, что было – то было,
Ступай же отныне в прекрасный рай!»

Но он на колени упал с мольбою:

«Пусть будет такой и ее стезя!
Оставь же ее навсегда со мною!»
Но Петр покачал головой: «Нельзя!

Конечно, все это ужасно сложно,
Но так существует миллионы лет:
Вот если за грешником вслед, то можно,
Но только подумать здесь крепко должно:
Обратной дороги оттуда нет!»

Но он улыбнулся: «Смешной секрет!
Разлука в любви – пострашней состраданий!»
И в страшную лаву без колебаний
Он прыгнул навечно за милой вслед!

Мораль тут излишня: пойми и знай:
Ведь если бы все мы вот так любили,
То чувства людей обрели бы крылья,
А наша земля превратилась в рай...

29 января 2002 г.

Москва

Веселые споры

Мы спорим порой будто две державы,
А после смеемся, слегка устав.
И все же не могут быть оба правы,

При спорах один все равно не прав.

Ах, люди! Ведь каждый, ей богу, дивен.

Вот книгу читаем и снова спор:

«Ты знаешь, прости, но роман наивен» —

«Наивен? Но это же просто вздор!»

А может ли сеять раздор природа?

Еще бы! И даже порой с утра:

«Взгляни: нынче сказка, а не погода!»

«Да, да – препаскуднейшая жара!»

А бывает ли так: не склоня головы,

Оба спорят, но оба при этом правы?!

Да, когда они фразу за фразой рубят,

Но при этом безбожно друг друга любят!

5 августа 2001 г.

Красновидово

Два слова поэту

Любой на свете вправе быть никчемным,

Бездушным или каменно-минорным,

Без всяких чувств встречающим рассвет.

И лишь поэт обязан быть влюбленным,

Сурово-гневным или окрыленным.

Бесстрастный же – он вовсе не поэт!

Бывает так: устал неимоверно
И скрылся бы от всяческих страстей.
Но как молчать, когда кому-то скверно,
Иль боль стоит у чьих-нибудь дверей?!

А если кто-то – у любви во власти,
А вот сказать не в силах ничего,
Ну как пройти мимо душевной страсти
И не отдать несчастному в ненастьи
Хотя б частицу сердца своего?!

А сколько в мире искреннейших женщин,
Кому достался лед, а не удел,
Чей путь был не увенчан, а развенчан,
И свет в глазах досрочно потускнел...

И, видя их притушенных, но милых,
Кому досталось в стужах цепенеть,
Какой же ты поэт, коли не в силах
Вернуть тот свет и душу отогреть!

Пусть твой удел – терзания и слава
И ты живешь, мечтая и любя,
И все ж не можешь, не имеешь права
Жить на планете только для себя.

Известнее ты всех иль неизвестней —
Не в этом суть, а в том, что в бурях бед
Ты должен быть оружия железней...
И, только став их верою и песней,
Ты вправе жить со званием ПОЭТ!
18 октября 2001 г.

Москва

Мы идем с тобой, взявшись за руки
Мы идем с тобой, взявшись за руки,
Вдоль бульвара меж тополей.
Я б хотел тебя вскинуть на руки
И нести по планете всей...

Ты смеешься: «Увы, когда-то
Я легка была словно пух...
А теперь не бесплотный дух!
И поднять меня сложновато...»

«Что мне груз! – говорю я. – Милая!
Пусть года по судьбе прошлись.
Только я еще с доброй силою,
Мог тебя б еще вскинуть ввысь!

Впрочем, сколько бы плоть ни весила,

Только, надо признаться смело,
Что характер наш, скажем весело,
Иногда повесомей тела...

И, прости за такую фразу,
Только, если зажжен огнем,
Я вздыму тебя ввысь не сразу...
Значит, дело тут только в нем.

А коль так, то во имя мудрости
Ты характер чуть-чуть измени:
Убери из него все трудности,
А все нежности сохрани.

Вот тогда-то мы, взявшись за руки,
Может, станем зари светлей,
И тебя сквозь огни-фонарики
Я уверенно, вскинув на руки,
Пронесу по планете всей!»

11 октября 2001 г.

Москва

Поздняя любовь

Пусть радость к нам поздно с тобой пришла.
Ты шутишь: «Носилась без нас как рыба!»
Не надо ироний, не надо зла,

Ведь все же нашла она нас, нашла,
Давай же ей скажем за то спасибо!

Ты только представь, что любви звезда
Когда-то спокойно, неуловимо
Взяла и прошла бы сторонкой мимо
И нас не заметила, на нашла?

Ну что бы, скажи, тогда с нами было?
Ведь мы б с тобой были несчастней всех!
Ты в страхе ладошкой мне рот прикрывала:
«Об этом и думать-то даже грех!»

Ну грех или нет – не берусь судить.
Ты знаешь я, в общем, не суеверен.
Я просто доверчив и сердцем верен.
И только в судьбу я всегда намерен
И верить, и с нею в согласьи жить.

Поэтому надо ли говорить:
Мы встретились поздно или не поздно?
Не годы способны судьбу решить,
А люди, что могут всегда любить
Как мы – до отчаянности серьезно.

Вот многие, радуясь, пьют вино

Для временно-сладкого настроенья.
А нам ну совсем ни к чему оно,
Ведь нам много крепче хмельть дано
От слов и от всяческого общенья...

Конечно, прекрасно, когда влюбленные
Наивною песней упоены,
Совсем по-щеньячи, еще зеленые,
Кидаются в первый порыв весны.

И я тут совсем не ворчу, не ною,
Я тоже всем сердцем люблю цветы.
Но все ли они, просияв весною,
Полны и до осени красоты?

И я не лукавлю: ведь сколько раз
Два сердца, что вспыхнули с юным пылом,
Бросались друг к другу всего на час,
На месяц, на два, ну на год от силы!

А мы? Ты застенчиво улыбаешься:
Не месяц, не два, и отнюдь не год...
Когда настоящее вдруг придет,
То ты с ним вовеки не спрашиваешься...

Поэтому нам ли с тобой не знать

Под чьей мы находимся яркой властью?!

Давай же не годы с тобой считать,

А песни, а звезды любви и счастья!

25 ноября 2001 г.

Москва Красновидово

Творческая шутка

Когда мне похвалят другого поэта,

Мне хочется взять повесомей дубинку

И треснуть рассказчика по затылку,

Чтоб впредь не посмел бы выдумывать это!

А коль кто-то сдуру меня похвалит

Другому поэту – добру не быть!

Поэт может даже и не ударить,

А в ярости попросту задушить!

Так кто хороши тут, а кто плохи?

Отвечу: вы сердце поэта знайте:

Хвалите при нем лишь его стихи,

А прочих поэтов уничтожайте.

27 апреля 2001 г.

Москва

Дорожите счастьем, дорожите!

Что такое счастье

Что же такое счастье?

Одни говорят: «Это страсти:

Карты, вино, увлечения —

Все острые ощущения».

Другие верят, что счастье —

В окладе большом и власти,

В глазах секретарш плененных

И трепете подчиненных.

Третьи считают, что счастье —

Это большое участие:

Забота, тепло, внимание

И общность переживания.

По мнению четвертых, это —

С милой сидеть до рассвета,

Однажды в любви признаться

И больше не расставаться.

Еще есть такое мнение,

Что счастье – это горение:

Поиск, мечта, работа
И дерзкие крылья взлета!

А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста:
От кочки и до Казбека,
В зависимости от человека.

1966

Не надо отдавать любимых!

Не надо отдавать любимых,
Ни тех, кто рядом, и не тех,
Кто далеко, почти незримых.
Но зачастую ближе всех!

Когда все превосходно строится
И жизнь пылает, словно стяг,
К чему о счастье беспокоиться?!
Ведь все сбывается и так!

Когда ж от злых иль колких слов
Душа порой болит и рвется —
Не хмурьте в раздраженьи бровь.
Крепитесь! Скажем вновь и вновь:
За счастье следует бороться!

А в бурях острых объяснений
Храни нас, Боже, всякий раз
От нервно-раскаленных фраз
И непродуманных решений.

Известно же едва ль не с древности:
Любить бессчетно не дано,
А потому ни мщенье ревности,
Ни развлечений всяких брэнности,
Ни хмель, ни тайные неверности
Любви не стоят все равно!

Итак, воюйте и решайте:
Пусть будет радость, пусть беда,
Боритесь, спорьте, наступайте,
Порою даже уступайте,
И лишь любви не отдавайте,
Не отдавайте никогда!

8 июля 1999 г.

Красновидово

Дорожите счастьем, дорожите!
Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз —
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово —
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки!
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь, в орех величиной!

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возвратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте —
Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, – не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

Если грянет беда

Если грянет беда и душа твоя волком завоюет,
И ты вдруг обратишься к друзьям в многотрудной судьбе,
И друзья, чтоб помочь, забегут, может статься, к тебе,
Если помощь та им ничегошеньки будет не стоить.
Если ж надо потратить достаточно время и сил
Или с денежной суммой какой-то на время расстаться,
Вот тогда ты узнаешь, как «дорог» ты всем и как «мил»,
И как быстро начнут все друзья твои вдруг испаряться.
И лишь кто-то, быть может, не спрячет души, не сбежит,
И поделится искренне всем: и рублем, и душой,
Не унизит надменным сочувствием и не схитрит,
И в любых непогодах останется рядом с тобою.
Как же славно с друзьями упрямо шагать до конца,
И чтоб сверху судьба улыбалась сияющим ликом...
Только как все же грустно, что светлые эти сердца
Слишком редко встречаются нам в этом мире великом...
9 июня 1998 г.

Москва

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,

И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

Крылья души

Храните свято классику, товарищи,
Которая в нас исстари заложена.
Ведь в душах, где ей быть всегда положено,
Дымят сейчас порой одни пожарища.

Кто отнял наши чудные мгновения?!
Ведь радио и телепередачи,
Нас поливая часто дребеденью,
Давно забыли о такой задаче.

Сначала топчут гордую культуру,
Сначала, унижая, предают,
А после говорят: «Россия – дура!»
И чуть ни в лица каждому плюют?

Кто выдувал такие авантюры?
И для чего гасить великий свет?
Да дело в том, что в мире без культуры
Ни государства, ни народа нет!

А вспомните: ну разве же давно
Мы все совсем, совсем иначе жили,
Когда по ценам абсолютно были
Доступны и театры, и кино.

А не пошел, то запросто включаешь
Ты теле или радиоканал
И в драме негодая побеждаешь
Иль сердце словно в пламень погружаешь
В высокий симфонический накал!

Нет! Это все не глупое ворчанье
И суть не в том, плохи ль мы? Хороши?
Но было же и вправду созиданье,
Расцвет культур, высокое слиянье
Ума и сердца, воли и души.

И, если шеи запросто сгибаются,
Что нам поможет? Ну скажите: что?!
Ведь нас все время превратить пытаются
В рабов, в скотов и вообще в ничто!

В газетах – криминальнейшая хроника,
Все – вдребезги, куда ни кинешь взгляд!
До основания скрыта экономика,
Стоят заводы, фабрики стоят...

Нам говорят, что следует смириться,
Дорога и трудна и далека,
Так что ж, мы так и будем унижаться
И ждать все время нового пинка?!

И пусть живем мы даже на гроши,
Но все равно бороться надо снова,
С чего ж начать? Конечно же, со слова,
С культуры, то есть именно с души!

Чтоб не игратья словно дети в классики,
Разгон как раз мы с воли и начнем,
Чтоб взмыть в зенит великой нашей классики
В литературе, в музыке, во всем!

А дальше что: победы, поражения?
Что опыт есть, история не лжет.
Россия в час беды и унижения
Всегда умела находить решения,
Когда за горло брали наш народ.

И я уверен, люди дорогие,
Что и теперь не покорить России!

25 апреля 1999 г.

Москва

Дорогие оковы

Россия без каждого из нас обойтись может.

Но никто из нас не может обойтись без России.

И. С. Тургенев

Париж. Бужеваль. Деятнадцатый век.

В осеннем дожде пузырятся лужи.

А в доме мучится человек:

Как снег, голова, борода, как снег,

И с каждой минутой ему все хуже...

Сейчас он слабей, чем в сто лет старик,

Хоть был всем на зависть всегда гигантом:

И ростом велик, и душой велик,

А главное – это велик талантом!

И пусть столько отдано лет и сил

И этой земле, и друзьям французским,

Он родиной бредил, дышал и жил,

И всю свою жизнь безусловно был

Средь русских, наверное, самым русским.

Да, в жилах и книгах лишь русская кровь,
И все-таки, как же все в мире сложно!
И что может сделать порой любовь —
Подчас даже выдумать невозможно!

Быть может, любовь – это сверхстрана,
Где жизнь и ласкает, и рвет, и гложет,
И там, где взмывает свой стяг она,
Нередко бывает побеждена
И гордость души, и надежда тоже.

С надменной улыбкою вскинув бровь,
Даря восхищения и кошмары,
Брала она с твердостью вновь и вновь
И славу его, и его любовь,
Доходы с поместья и гонорары.

Взлетают и падают мрак и свет,
Все кружится: окна, шкафы, столы.
Он бредит... Он бредит. А может быть, нет?
«Снимите, снимите с меня кандалы...»

А женщина горбится, словно птица,
И смотрит в окошко на тусклый свет.
И кто может истинно поручиться:

Вот жаль ей сейчас его или нет?..

А он и не рвется, видать, смирился,
Ни к спасским лесам, ни к полям Москвы.
Да, с хищной любовью он в книгах бился,
А в собственной жизни... увы, увы...

Ведь эти вот жгучие угольки —
Уедешь – прикажут назад вернуться.
И ласково-цепкие коготки,
Взяв сердце, вовеки не разомкнутся.

Он мучится, стонет... То явь, то бред.
Все ближе последнее одиночество...
А ей еще жить чуть не тридцать лет,
С ней родина, преданный муж. Весь свет
И пестрое шумно-живое общество.

Что меркнет и гаснет: закат? Судьба?
Какие-то тени ползут в углы...
А в голосе просьба, почти мольба:
– Мне тяжело... Снимите с меня кандалы... —

Но в сердце у женщины немота,
Не в этой душе просияет пламя.
А снимет их, может быть, только ТА,

В чьем взгляде и холод, и пустота,
Что молча стоит сейчас за дверями.

Ну есть ли на свете прочнее крепи,
Чем песни России, леса и снег,
И отчий язык, города и степи...
Да, видно, нашлись посильнее цепи,
К чужому гнезду приковав навек.

А женщина смотрится в зеркала
И хмурится: явно же не красавица.
Но рядом – как праздник, как взлет орла,
Глаза, что когда-то зажечь смогла,
И в них она дивно преображается.

Не мне, безусловно, дано судить
Чужие надежды, и боль, и счастье,
Но, сердцем ничьей не подсуден власти,
Я вправе и мыслить, и говорить!

Ну что ему было дано? Ну что?
Ждать милостей возле чужой постели?
Пылать, сладкогласные слыша трели?
И так до конца? Ну не то, не то!

Я сам ждал свиданья и шорох платья,

И боль от отчаянно-дорогого,
Когда мне протягивали объятья,
Еще не остывшие от другого...

И пусть я в решениях не слишком скор,
И все ж я восстал против зла двуличья!
А тут до мучений, до неприличья
В чужом очаге полыхал костер...

— О, да, он любил, — она говорила, —
Но я не из ласковых, видно, женщин.
Я тоже, наверно, его любила,
Но меньше, признаться, гораздо меньше. —

Да, меньше. Но вечно держала рядом,
Держала, и цель-то почти не пряча.
Держала, объятьями, пылким взглядом,
И голосом райским, и черным адом
Сомнений и мук. Ну а как иначе?!

И вот уж колеса стучат, стучат,
Что кончен полон. И теперь впервые
Уж нету нужды в нем. Нужны живые!
Он едет навечно назад... назад...
Он был и остался твоим стократ,
Прими же в объятья его, Россия!

Трусиха

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.

Шли, смеясь, по набережной хмурой
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал.

Как боролся с дьявольским теченьем,
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые, горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
– Я бы там от страху умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: – Ты просто восхитительна,

Ах ты, воробыная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка – хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полоску света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: – Стоп, цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки —
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивною фигурой
Стал, спеша, отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: – Эй, коза!
Что надулась?! – И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: – Мразь! Фашист проклятый! -
Как огнем, детину обожгла.

– Наглостью пугаешь? Врешь, подонок!
Ты же враг! Ты жизнь людскую пьешь! —
Голос рвется, яростен и звонок:
– Нож в кармане? Мне плевать на нож!

За убийство «стенка» ожидает.
Ну а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был – все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался: – Ладно... Тише, гром... —
А второй проямлил: – Ну их к черту! —
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок,

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка – «слабая натура»,
«Трус» и «воробыная душа».

* * *

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно.

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,

По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

Ночь под Ивана Купалу

Сегодня поразительная ночь!
Сегодня небывалое сбывается, —
Печаль и горе улетают прочь,
И все мечты чудесно исполняются!

Сегодня – всем фантазиям простор!
Сегодня можно славно веселиться:

Перескочить, смеясь, через костер,
Стремясь, причем, нигде не опалиться...

Все нынче рвется в сказку: конный, пеший,
Свистит вдали разбойный соловей,
Хохочет в чаще, подвывая, леший,
Русалки в реку прыгают с ветвей...

Да, нынче тайна – за любым кустом,
Ведь здесь когда-то, словно бы приснилось,
Снегурочка, кружась перед костром,
Чуть слышно вскрикнув, в ветре растворилась...

В подобный час, как и в былые годы,
От всей души неплохо погадать!
И под крылом ночного небосвода
Водить, как наши предки, хороводы
И даже клад, быть может, отыскать!

Волшебник, всем удачу обещающий,
Наверно, мимо все-таки прошел!
А папоротник, в полночь расцветающий,
Пожалуй, вряд ли кто-нибудь нашел...

Клад признает удачливых и смелых,
Идущих в бой сквозь истины и ложь,

Конечно, клад найти – святое дело!
Но как откроешь? Где его найдешь?

Ведь медлить здесь не следует нисколько!
Тут все сомненья и смущенья – прочь!
Ведь если клад отыскивать, то только
Лишь вот в такую сказочную ночь!

И я ему стократно был бы рад!
Я молча руку протянул. И что же...
Кто скажет мне: я беден иль богат?
Рассыпав темно-русый водопад,
Со мною рядом ровно дышит «клад»...
И вряд ли есть хоть что-нибудь дороже...
7 июля 2000 г. В ночь под Ивана Купалу.
Красновидово

Любим мы друг друга или нет?
Любим мы друг друга или нет?
Кажется: какие тут сомненья?!
Только вот зачем, ища решенья,
Нам нырять то в полночь, то в рассвет?!

Знать бы нам важнейший постулат:
Чувства хоть плохие, хоть блестящие,
Теплые иль пламенно-горящие,

Все равно их строят и творят.

Чувства можно звездно окрылить,
Если их хранить, а не тиранить.
И, напротив, горько загубить,
Если всеми способами ранить.

Можно находить и открывать
Все, буквально все, что нас сближает,
И, напротив: коль не доверять,
Можно, как болячки, ковырять
Именно все то, что разделяет.

То у нас улыбки, то терзанья,
То укоров леденящий душ,
То слиянье губ, и рук, и душ,
То вражда почти до обожания.

То блаженство опьяняет нас,
То сердца мы беспощадно гложем.
Осыпая ревностями фраз,
Но причем ни на день, ни на час
Разлучиться все-таки не можем.

Кто ж поможет разгадать секрет —
Любим мы друг друга или нет?

20 июня 1998 г.

Москва

Микроклимат

День и ночь за окном обложные дожди,
Все промокло насквозь: и леса, и птицы.
В эту пору, конечно, ни почты не жди,
Да и вряд ли какой-нибудь гость постучится.

Реки хмуро бурлят, пузырятся пруды.
Все дождем заштриховано, скрыто и смыто.
На кого и за что так природа сердита
И откуда берет она столько воды?!

Небо, замысла скверного не тая,
Все залить вознамерилось в пух и прах.
Даже странно представить, что есть края,
Где почти и не ведают о дождях.

Где сгорают в горячих песках следы
И ни пятнышка туч в небесах седых,
Где родник или просто стакан воды
Часто ценят превыше всех благ земных.

Дождь тоской заливает луга и выси,
Лужи, холод да злющие комары.

Но душа моя с юности не зависит
Ни от хмурых дождей, ни от злой жары.

И какой ни придумает финт природа,
Не навееет ни холод она, ни сплин.
Ведь зависит внутри у меня погода
От иных, совершенно иных причин.

Вот он – мудрый и очень простой секрет:
Если что-то хорошее вдруг свершилось,
Как погода бы яростно ни бесилась,
В моем сердце хохочет весенний свет!

Но хоть трижды будь ласковою природа,
Только если тоска тебя вдруг грызет,
То в душе совершенно не та погода,
В ней тогда и бураны, и снег, и лед.

Дождь гвоздит по земле, и промозглый ветер
Плющит капли о стекла и рвет кусты.
Он не знает, чудак, о прекрасном лете,
О моем, о веселом и добром лете,
Где живет красота, и любовь, и ты...

Любовь и трусость

Почему так нередко любовь непрочна?

Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость – первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Не важно – хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил – человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость – двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И, словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она – стусевать недостатки свои.
Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные – сразу ужасно верными,
А лгуны за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали
И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» – «Конечно!» —
«А ты меня?» – «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.
А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

Задумчиво она идет по улице

Она идет задумчиво по улице,
Стройна, как синеглазый василек.
Но все сейчас в ней словно бы сутулится,
Сутулится душа, и взгляд сутулится,
И даже чувства съежились в комок.

Идет она, как в проклятое царство,
Где нет ни звезд, ни пищи, ни воды.
И нет на свете, кажется, лекарства,
Чтоб вдруг ее избавить от беды.

Но есть лекарство прочих посильней,
Которое помочь всегда готово,
Чтоб человек, известный только ей,

Который всех важнее и нужней,
Сказал одно-единственное слово...
3 июня 1998 г.

Москва

Разные натуры

Да, легко живет, наверно, тот,
Кто всерьез не любит никого.
Тот, кто никому не отдает
Ни души, ни сердца своего.

У него – ни дружбы, ни любви,
Ибо втайне безразличны все.
Мчит он, как по гладкому шоссе,
С равнодушным холодком в крови.

И, ничьей бедой не зажжено,
Сердце ровно и спокойно бьется,
А вот мне так в мире не живется,
Мне, видать, такого не дано.

Вот расстанусь с другом и тоскую,
Сам пишу и жду, чтоб вспомнил он.
Встречу подлость – бурно протестую,
Ну, буквально лезу на рожон!

Мне плевать на злобную спесивость,
Пусть хоть завтра вздернут на суку!
Не могу терпеть несправедливость
И смотреть на подлость не могу!

Видимо, и в прошлом, и теперь
Дал мне бог привязчивое сердце,
И для дружбы я не то что дверцу,
А всю распахиваю дверь!

Впрочем, дружба – ладно. Чаше проще:
Где-нибудь на отдыхе порой
Свел знакомство на прогулке в роще
С доброю компанией живой.

Встретились и раз, и пять, и восемь,
Подружились, мыслями зажглись,
Но уже трубят разлуку осень,
Что поделать? Жизнь – ведь это жизнь!

Люди разлетелись. И друг друга,
Может, и не будут вспоминать.
Только мне разлука – злая выюга,
Не терплю ни рвать, ни забывать.

А порой, глядишь, и так случится.

В поезде соседи по вагону
Едут. И покуда поезд мчится,
Все в купе успели подружиться
По дорожно-доброму закону.

А закон тот вечно обостряет
Чувства теплоты и доброты.
И уже знаком со всеми ты,
И тебя все превосходно знают.

Поверяют искренно и тихо
Ворох тайн соседям, как друзьям.
И за чаем или кружкой пива
Чуть не душу делят пополам.

И по тем же взбалмошным законам
(Так порой устроен человек) —
Не успели выйти из вагона,
Как друг друга в городских трезвонах
Позабыли чуть ли не на век!

Вот и мне бы жить позабывая,
Сколько раз ведь получал урок!
Я ж, как прежде, к людям прикипаю
И сижу, и глупо ожидаю
Кем-нибудь обещанный звонок.

А любви безжалостные муки?!
Ведь сказать по правде, сколько раз
Лгали мне слова и лгали руки.
Лгали взгляды преданнейших глаз!

Кажется, и понял, и измерил
Много душ и множество дорог,
Все равно: при лжи не лицемерил
И подчас по-идиотски верил,
И привыкнуть к лжи никак не мог.

Не хвалю себя и не ругаю,
Только быть другим не научусь.
Все равно, встречаясь, – доверяю,
Все равно душою прикипаю
И ужасно трудно расстаюсь!..

Ну, а если б маг или святой
Вдруг сказал мне: – Хочешь, превращу
В существо с удачливой душой,
Сытой и бесстрастно-ледяной? —
Я сказал бы тихо:
– Не хочу...

Преступление и наказание

Однажды парком в предзакатный час
Шла женщина неспешно по дороге.
Красавица и в профиль, и анфас,
И в глубине зеленоватых глаз —
Одна весна и никакой тревоги.

Была она как ветер молода,
И, видимо, наивна до предела,
Иначе б непременно разглядела
Три тени за кустами у пруда.

Не всем, видать, предчувствие дано.
Тем паче если не было примеров
Чего-то злого. В парке не темно,
И шла она уверенно в кино
Без всяческих подруг и кавалеров.

Но быть в кино ей, видно, не судьба:
Внезапно с речью остроэкзотичной
Шагнули к ней три здоровенных лба
С нацеленностью явно эротичной.

Один промолвил, сплюнув сигарету:
«Она – моя! И споров никаких!»
Другой: «Ну нет! Я сам сожру конфету!»
А третий хмыкнул: «Мы красотку эту

По-дружески разделим на троих!»

Закат погас, и в парке стало хмуро.

Вдали сверкнули россыпи огней...

«Ну, хватит! Брось таращиться как дура!

Ступай сюда в кусты!» И три фигуры,

Дыша спиртным, придвинулись плотней.

«Ребята, что вы?!»... Голос замирает.

А трое смотрят хмуро, как сычи.

«Вы шутите? Ну что вас раздражает?!» —

«Мы шутим? Да серьезней не бывает!

Снимай же все, что надо, и молчи!»

Одиндохнул: «Заспоришь – придушу!

Сейчас исполнишь все, что нам угодно!

Чтоб выжить – покажи, на что способна!»

Она вздохнула: «Ладно... Покажу!»

Неторопливо сбросила жакетку

И первому, уже без лишних фраз,

Ребром ладони яростно и метко

Но горлу – словно сталью: раз! И раз!

И вновь – удар! «Теперь души, скотина!»

И тут буквально чудо наяву:

Почти со шкаф величиной, мужчина
Как сноп мгновенно рухнул на траву!

Другой, взревев, рванулся к ней навстречу,
Но тут – прием и новый взмах рукой!
И вот уже второй за этот вечер
Как бык уткнулся в землю головой...

А третий, зло зубами скрежеща
И целясь впиться в горло пятернею,
Вдруг резко вырвал нож из-под плаща
И прыгнул кошкой с бранью площадною.

Она же резко вымолвила: «Врешь!»
И, сжавшись, распрямилась как пружина.
И вот, роняя зазвеневший нож,
На землю третий грохнулся детина.

И тут, покуда, ползая ужом,
Они стонали, мучаясь от боли,
Она, как вспышка воплощенной воли,
Шагнула к ним с подобранным ножом.

«Ну что, мерзавцы? Отвечайте, что?!
Насильничать решили? Дескать, сила?
Скажите же спасибо мне за то,

Что я вам жизни нынче сохранила!

Сейчас я вновь в кинотеатр иду,
А ровно через два часа – обратно.
Однако же прошу иметь в виду:
Чтоб даже духу вашего в саду
Здесь просто близко не было. Понятно?!

А притаитесь где-то за кустом,
Тогда, клянусь, что я на этом месте
Лишу вас вашей жеребьячьей чести
Вот этим самым вашим же ножом!

А если ж вдруг найдете пистолет,
Намного хлеще сыщете ответ:
Ведь я кладу почти что пулю в пулю
И рисковать вам даже смысла нет!»

Чуть улыбнувшись, строго посмотрела,
Губной помадой освежила рот,
Неторопливо кофточку надела
И легким шагом двинулась вперед.

Шла женщина спокойно и упрямо,
И строгий свет горел в ее глазах,
А сзади три насильника и хама,

Рыча от боли, корчились в кустах...

О, люди! В жизни трудно все предвидеть!
И все-таки не грех предупредить
Мужчин, способных женщину обидеть
И даже силу где-то применить:

Чтить женщину есть множество причин:
Когда умом, да и силенкой тоже
Она сегодня часто стоять может
И двух, и трех, и пятерых мужчин!

Моя любовь

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда:
Днем и ночью, зимой и летом!

Площадями ль иду большими
Иль за шумным сажу столом,
Стоит мне шепнуть твое имя —
И уже мы с тобой вдвоем.

Когда радуюсь или грущу я
И когда обиды терплю,
И в веселье тебя люблю я,

И в несчастье тебя люблю.
Даже если крепчайше сплю,
Все равно я тебя люблю!

Говорят, что дней круговерть
Настоящих чувств не тревожит.
Говорят, будто только смерть
Навсегда погасить их может.

Я не знаю последнего дня,
Но без громких скажу речей:
Смерть, конечно, сильнее меня,
Но любви моей не сильнее.

И когда этот час пробьет
И окончу я путь земной,
Знай: любовь моя не уйдет,
А останется тут, с тобой.

Подойдет без жалоб и слез
И незримо для глаз чужих,
Словно добрый и верный пес,
На колени положит нос
И свернется у ног твоих.

Девушка

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глубины морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... – Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо,
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

Если любовь уходит!

Если любовь уходит, какое найти решение?
Можно прибегнуть к доводам, спорить и убеждать,
Можно пойти на просьбы и даже на униженья,
Можно грозить расплатой, пробуя запугать.

Можно вспомнить былое, каждую светлую малость,
И, с дрожью твердя, как горько в разлуке пройдут года,
Поколебать на время, может быть, вызвать жалость
И удержать на время. На время – не навсегда.

А можно, страха и боли даже не выдав взглядом,
Сказать: – Я люблю. Подумай. Радости не ломай. —
И если ответит отказом, не дрогнув, принять как надо,
Окна и двери – настезь: – Я не держу. Прощай!

Конечно, ужасно трудно, мучась, держаться твердо.
И все-таки, чтобы себя же не презирать потом,
Если любовь уходит – хоть вой, но останься гордым.
Живи и будь человеком, а не ползи ужом!

Прямой разговор

Л. К.

Боль свою вы делите с друзьями,
Вас сейчас утешить норовят,
А его последними словами,
Только вы нахмуритесь, бранят.

Да и человек ли в самом деле
Тот, кто вас, придя, околдовал,
Стал вам близким через две недели,
Месяц с вами прожил и удрал.

Вы встречались, дорогая, с дрянью.
Что ж нам толковать о нем сейчас?!
Дрянь не стоит долгого вниманья,
Тут важнее говорить о вас.

Вы его любили? Неужели?
Но полшага – разве это путь?!
Сколько вы пудов с ним соли съели?

Как успели в душу заглянуть?!

Что вы знали, ведали о нем?

То, что у него есть губы, руки,
Комплимент, цветы, по моде брюки —
Вот и все, пожалуй, в основном?!

Что б там ни шептал он вам при встрече,
Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!

Пусть весна, пускай улыбка глаз...
Но ведь мало, мало две недели!
Вы б сперва хоть разглядеть успели,
Что за руки обнимают вас!

Говорите, трудно разобраться,
Если страсть. Допустим, что и так.
Но ведь должен чем-то отличаться
Человек от кошек и дворняг!

Но ведь чувства тем и хороши,
Что горят красиво, гордо, смело.
Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите, — с души!

Трудно вам. Простите. Понимаю.
Но сейчас вам некого ругать.
Я ведь это не мораль читаю.
Вы умны, и вы должны понять:

Чтоб ценили вас, и это так,
Сами цену впредь себе вы знайте,
Будьте горделивы. Не меняйте
Золота на первый же медяк!

Эдельвейс

(Лирическая баллада)

Ботаник, вернувшийся с южных широт,
С жаром рассказывал нам
О редких растениях горных высот,
Взбегающих к облакам.

Стоят они гордо, хрустально чисты,
Как светлые шапки снегов.
Дети отчаянной высоты
И дикого пеня ветров.

В ладонях ботаника – жгучая синь,
Слепящее солнце и вечная стынь

Качаются важно, сурово.

Мелькают названия – сплошная латынь —

Одно непонятней другого.

В конце же сказал он: – А вот эдельвейс,

Царящий почти в облаках.

За ним был предпринят рискованный рейс,

И вот он в моих руках!

Взгляните: он блещет, как горный снег,

Но то не просто цветок.

О нем легенду за веком век

Древний хранит Восток.

Это волшебник. Цветок-талисман.

Кто завладеет им,

Легко разрушит любой обман

И будет от бед храним.

А главное, этот цветок таит

Сладкий и жаркий плен:

Тот, кто подруге его вручит,

Сердце возьмет взамен.

Он кончил, добавив шутливо: – Ну вот,

Наука сие отрицает,

Но если легенда веками живет,
То все-таки кто его знает?..

Ботаника хлопали по плечам,
От шуток гудел кабинет:
– Теперь хоть экзамен сдавай по цветам!
Да ты не ученый – поэт!

А я все думал под гул и смех:
Что скажет сейчас она?
Та, что красивей и тоныше всех,
Но так всегда холодна.

Так холодна, что не знаю я,
Счастье мне то иль беда?
Вот улыбнулась: – Это, друзья,
Мило, но ерунда...

В ночи над садами звезды зажглись,
А в речке темным-темно...
Толкаются звезды и, падая вниз,
С шипеньем идут на дно.

Ветер метет тополиный снег,
Мятой пахнет бурьян...
Конечно же, глупо: атомный век —

И вдруг цветок-талисман!

Пусть так! А любовь? Ведь ее порой
Без чуда не обрести!
И разве есть ученый такой,
Чтоб к сердцу открыл пути?!

Цветок эдельвейс... Щемящая грусть...
Легенда... Седой Восток...
А что, если вдруг возьму и вернусь
И выпрошу тот цветок?!

Высмеян буду? Согласен. Пусть.
Любой ценой получу!
Не верит? Не надо! Но я вернусь
И ей тот цветок вручу.

Смелее! Вот дом его... Поворот...
Гашу огонек окурка,
И вдруг навстречу мне из ворот
Стремительная фигурка.

Увидела, вспыхнула радостью: – Ты!
Есть, значит, тайная сила.
Ты знаешь, он яростно любит цветы,
Но я смогла, упросила...

Сейчас все поймешь... Я не против чудес,
Нет, я не то говорю... —
И вдруг протянула мне эдельвейс!
— Вот... Принимай... Дарю!

Звездами вспыхнули небеса,
Ночь в заревом огне...
Люди, есть на земле чудеса!
Люди, поверьте мне!

Двадцатый век

Ревет в турбинах мощь былинных рек,
Ракеты, кванты, электромышленье...
Вокруг меня гудит двадцатый век,
В груди моей стучит его биенье.

И, если я понадобится потом
Кому-то вдруг на миг или навеки,
Меня ищите не в каком ином,
А пусть в нелегком, пусть в пороховом,
Но именно в моем двадцатом веке.

Ведь он, мой век, и радио открыл,
И в космос взмыл быстрее ураганов,
Кино придумал, атом расщепил

И засветил глаза телеэкранов.

Он видел и свободу и лишения,
Свалил фашизм в пожаре грозном.
И верю я, что именно о нем
Потомки наши вспомнят с уваженьем.

За этот век, за то, чтоб день его
Все ярче и добрее разгорался,
Я не жалел на свете ничего
И даже перед смертью не сгибался!

И, горячо шагая по планете,
Я полон дружбы к веку моему.
Ведь как-никак назначено ему,
Вот именно, и больше никому,
Второе завершить тысячелетье.

Имеет в жизни каждый человек
И адрес свой, и временные даты.
Даны судьбой и мне координаты:
«СССР. Москва. Двадцатый век».

И мне иного адреса не надо.
Не знаю, как и много ль я свершил?
Но если я хоть что-то заслужил,

То вот чего б я пожелал в награду:

Я честно жил всегда на белом свете,
Так разреши, судьба, мне дошагать
До новогодней смены двух столетий,
Да что столетий – двух тысячелетий,
И тот рассвет торжественный обнять!

Я представляю, как все это будет:
Салют в пять солнц, как огненный венец,
Пять миллионов грохнувших орудий
И пять миллиардов вспыхнувших сердец!

Судьба моя, пускай дороги круты,
Не обрывай досрочно этот путь.
Позволь мне ветра звездного глотнуть
И чрез границу руку протянуть
Из века в век хотя бы на минуту!

И в тишине услышать самому
Грядущей эры поступь на рассвете,
И стиснуть руку дружески ему —
Веселому потомку моему,
Что будет жить в ином тысячелетье.

А если все же мне не суждено

Шагнуть на эту сказочную кромку,
Ну что ж, я песней постучусь в окно.
Пусть эти строки будут все равно
Моим рукопожатием потомку!

Чудачка

Одни называют ее «чудачкой»
И пальцем на лоб – за спиной, тайком,
Другие – «принцессою» и «гордячкой»,
А третьи просто – «синим чулком».

Птицы и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и весны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь, замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: «Пора решаться,
Мужчины не будут ведь ждать, учти!»
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто? —
Посмотрит мечтательными глазами:
– Нравиться – нравились. Ну и что? —
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: «Любови-звездопада!
Красивой-красивой! Большой-большой!
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!»

Девушка и лесовик (Сказка)

На старой осине в глуши лесной
Жил леший, глазастый и волосатый.
Для лешего был он еще молодой —
Лет триста, не больше. Совсем незлой,
Задумчивый, тихий и неженатый.

Однажды у Черных болот в лощине
Увидел он девушку над ручьем,
Красивую, с полной грибной корзиной
И в ярком платице городском.

Видать, заблудилась. Стоит и плачет.

И леший вдруг словно затосковал...

Ну как ее выручить? Вот задача!

Он прыгнул с сучка и, уже не прячась,

Склонился пред девушкой и сказал:

– Не плачь! Ты меня красотой смутила.

Ты – радость! И я тебе помогу! —

Девушка вздрогнула, отскочила,

Но вслушалась в речи и вдруг решила:

«Ладно. Успею еще. Убегу!»

А тот протянул ей в косматых лапах

Букет из фиалок и хризантем.

И так был прекрасен их свежий запах,

Что страх у девчонки пропал совсем...

Свиданья у девушки в жизни были.

Но если по-честному говорить,

То, в общем, ей редко цветы дарили

И радостей мало преподносили,

Больше надеялись получить.

А леший промолвил: – Таких обаятельных

Глаз я нигде еще не встречал! —

И дальше, смутив уже окончательно,

Тихо ей руку поцеловал.

Из мха и соломки он сплел ей шляпу.
Был ласков, приветливо улыбался.
И хоть и не руки имел, а лапы,
Но даже «облапить» и не пытался.

И, глядя восторженно и тревожно,
Он вдруг на секунду наморщил нос
И, сделав гирлянду из алых роз,
Повесил ей на плечи осторожно.

Донес ей грибы, через лес провожая,
В трудных местах впереди идя,
Каждую веточку отгибая,
Каждую ямочку обходя.

Прощаясь у вырубки обгоревшей,
Он грустно потупился, пряча вздох.
А та вдруг подумала: «Леший, леший,
А вроде, пожалуй, не так и плох!»

И, пряча смущенье в букет, красавица
Вдруг тихо промолвила на ходу:
– Мне лес этот, знаете, очень нравится,
Наверно, я завтра опять приду!

Мужчины, встревожьтесь! Ну кто ж не знает,
Что женщина, с нежной своей душой,
Сто тысяч грехов нам простит порой,
Простит, может, даже ночной разбой!
Но вот невнимания не прощает...

Вернемся же к рыцарству в добрый час
И к ласке, которую мы забыли,
Чтоб милые наши порой от нас
Не начали бегать к нечистой силе!

Лунный вечер

Закат хрустально-алый мост
Над речкой воздвигает,
И вверх в сопровожденье звезд
Луна, поднявшись в полный рост,
Торжественно шагает.

Ей все принадлежат сердца
И замки на планете,
А у тебя же ни дворца,
И, кроме одного певца,
Нет никого на свете.

Но это, право, не беда,
Взвей гордость, словно стяг,

Один, он тоже иногда
Уж не такой пустяк!

Готов я верить и любить,
О бедах не трубя.
Одно не знаю: как мне быть?
Какую песню сочинить,
Достойную тебя?

Твои слова, улыбки, взгляд
Я в сердце собирал,
И, встретиться мы лет сто назад,
Я так бы написал:

Всегда поэзии полна,
То холодна, то страстна,
Ты – как полночная луна
Таинственно-прекрасна!

А впрочем, и средь наших дней
Горит живая сила:
И горделиво-светлой ей
Ты, с строгой скромностью своей,
Навряд ли б уступила.

Ведь гордо-чистая луна

Средь всех других планет
Одной лишь стороною видна,
Другой как словно нет.

А та, другая, для кого,
Где все темно и строго?
Для неба или для того,
Кто всех дороже. Для него —
Сверхдруга или бога!

Луна одна и ты — одна.
И знаю я: твой взгляд,
Твоя дневная сторона
И звездно-тайная страна
Лишь мне принадлежат!

И так как в верности своей
Ты, как луна, тверда,
Живи ж средь песен и людей
И ныне, и всегда!

А если вечность обойдет
Капризно стороною
И бабка старая придет
С железною клюкою,

Ну что ж, не нам белеть, как снег!
Мир вечен – как замечено.
Как горы, как движение рек.
В моих стихах тебе навек
Бессмертье обеспечено!

Пусть меня волшебником назначат
(Шутка)

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб была нетленною краса,
Пусть меня волшебником назначат,
И тогда наступят чудеса.

Я начну с того, что на планете —
Сразу ни обманов, ни тревог,
Все цветы, какие есть на свете,
Я, как Бог, сложу у ваших ног.

Я вам всем, брюнетки и блондинки,
Раскрою на кофточки зарю,
Радугу разрежу на косынки,
Небо на отрезы раздарю.

С красотой будет все в порядке:
Каждый профиль хоть в музей неси!

Ну а чтоб какие недостатки
Я оставил! Боже упаси!

А для танцев и нарядов бальных
В виде дополнения к красоте
Я вручил бы каждой персонально
По живой мерцающей звезде.

Ну а чтобы не было примеров
Ни тоски, ни одиноких слез,
Я по сотне лучших кавалеров
Каждой бы на выбор преподнес.

Я волшебной утвердил бы властью
Царство песен, света и стихов,
Чтоб смеялась каждая от счастья
В день от трех и до восьми часов.

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб всегда звенели соловьи,
Хлопочите, милые мои,
Пусть меня волшебником назначат!

Письмо любимой

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,

Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое – возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала

И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...

Утрата, ее ни понять, ни измерить!

Нелепо! И все-таки можешь поверить:

Бессмертны лишь скалы, а я – человек!

Но если услышишь, что вешней порой

За новым, за призрачным счастьем в погоне

Я сердце свое не тебе, а другой

Взволнованно вдруг протянул на ладони, —

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,

Колючею стужей не стиснет беда!

Не верь! Ведь такого не может случиться!

Ты слышишь? Такому не быть никогда!

Аптека счастья

Сегодня – кибернетика повсюду.

Вчерашняя фантастика – пустяк!

А в будущем какое будет чудо?

Конечно, точно утверждать не буду,

Но в будущем, наверно, будет так:

Исчезли все болезни человека.

А значит, и лекарства ни к чему!

А для духовных радостей ему
Открыт особый магазин-аптека.

Какая б ни была у вас потребность,
Он в тот же миг откликнуться готов:
– Скажите, есть у вас сегодня нежность?
– Да, с добавлением самых теплых слов!

– А мне бы счастья, бьющего ключом!
– Какого вам: на месяц? На года?
– Нет, мне б хотелось счастья навсегда!
– Такого нет. Но через месяц ждем!

– А я для мужа верности прошу!
– Мужская верность? Это, правда, сложно...
Но ничего. Я думаю, возможно.
Не огорчайтесь. Я вам подыщу.

– А мне бы капель трепета в крови.
Я – северянин, человек арктический.
– А мне – флакон пылающей любви
И полфлакона просто платонической!

– Мне против лжи нельзя ли витамин?
– Пожалуйста, и вкусен, и активен!
– А есть для женщин «антиговорин»?

– Есть. Но пока что малоэффективен...

– А есть «антискандальная вакцина»?

– Есть, в комплексе для мужа и жены:

Жене – компресс с горчицей, а мужчине

За час до ссоры – два укола в спину

Или один в сидячую часть спины...

– Мне «томный взгляд» для глаз любого цвета!

– Пожалуйста. По капле перед сном.

– А мне бы страсти...

– Страсти – по рецептам!

Страстей и ядов так не выдаем!

– А мне вон в тех коробочках хотя бы,

«Признание в любви»! Едва нашла!

– Какое вам: со свадьбой иль без свадьбы?

– Конечно же, признание со свадьбой.

Без свадьбы хватит! Я уже брала!..

– А как, скажите, роды облегчить?

– Вот порошки. И роды будут гладки.

А вместо вас у мужа будут схватки.

Вы будете рожать, а он – вопить.

Пусть шутка раздувает паруса!

Но в жизни нынче всюду чудеса!
Как знать, а вдруг еще при нашем веке
Откроются такие вот аптеки?!

Любовь, измена и колдун

В горах, на скале, о беспутствах мечтая,
Сидела Измена худая и злая.
А рядом под вишней сидела Любовь,
Рассветное золото в косы вплетая.

С утра, собирая плоды и коренья,
Они отдыхали у горных озер
И вечно вели нескончаемый спор —
С улыбкой одна, а другая с презреньем.

Одна говорила: – На свете нужны
Верность, порядочность и чистота.
Мы светлыми, добрыми быть должны:
В этом и – красота!

Другая кричала: – Пустые мечты!
Да кто тебе скажет за это спасибо?
Тут, право, от смеха порвут животы
Даже безмозглые рыбы!

Жить надо умело, хитро и с умом.

Где – быть беззащитной, где – лезть напролом,
А радость увидела – рви, не зевай!
Бери! Разберемся потом.

– А я не согласна бессовестно жить.
Попробуй быть честной и честно любить!
– Быть честной? Зеленая дичь! Чепуха!
Да есть ли что выше, чем радость греха?!

Однажды такой они подняли крик,
Что в гневе проснулся косматый старик,
Великий Колдун, раздражительный дед,
Проспавший в пещере три тысячи лет.

И рывкнул старик: – Это что за война?!
Я вам покажу, как будить Колдуна!
Так вот, чтобы кончить все ваши раздоры,
Я сплавлю вас вместе на все времена!

Схватил он Любовь колдовскою рукой,
Схватил он Измену рукою другой
И бросил в кувшин их, зеленый, как море,
А следом туда же – и радость, и горе,
И верность, и злость, доброту, и дурман,
И чистую правду, и подлый обман.

Едва он поставил кувшин на костер,
Дым взвился над лесом, как черный шатер,
Все выше и выше, до горных вершин,
Старик с любопытством глядит на кувшин:

Когда переплавится все, перемучится,
Какая же там чертовщина получится?
Кувшин остывает. Опыт готов.
По дну пробежала трещина,
Затем он распался на сотню кусков,
И... появилась женщина...

* * *

Не надо любви никогда стыдиться!
Пусть будет в ней хворь иль невзгод безмерность.
Седины иль юность, богатство иль бедность,
Любовью нам надо всегда гордиться,
Ибо она – редчайшая ценность!

А если стыдиться, то только связи, —
Что манит людей лишь минутной новью.
Ведь в связи есть что-то порой от грязи,
Иначе была бы она Любовью!

Наверно, уж так создала Природа,

Что связь и любовь, словно мрак и свет,
Живут как два вечные антипода —
И общего в них абсолютно нет!

9 декабря 1998 г.

Москва

* * *

Как бы в жизни порой ни пришлось сердиться —
Но разрывом в любви никогда не грозите,
Знайτε твердо: дразнить Судьбу не годится:
Вдруг разрыв тот и вправду у вас случится
И вы сами угроз своих не простите!

23 февраля 1999 г.

Москва

Доброта

Если друг твой в словесном споре
Мог обиду тебе нанести,
Это горько, но это не горе,
Ты потом ему все же прости,

В жизни всякое может случиться.
И коль дружба у вас крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не дай ей зазря разбиться.

Если ты с любимой в ссоре,
А тоска по ней горяча,
Это тоже еще не горе,
Не спеши, не руби плеча.

Пусть не ты явился причиной
Той размолвки и резких слов,
Встань над ссорою, будь мужчиной!
Это все же твоя любовь!

В жизни всякое может случиться.
И коль ваша любовь крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не должен ей дать разбиться.

И, чтоб после себя не корить
В том, что сделал кому-то больно,
Лучше добрым на свете быть,
Злого в мире и так довольно.

Но в одном лишь не отступай:
На разрыв иди, на разлуку,
Только подлости не прощай
И предательства не прощай
Никому: ни любимой, ни другу!

Судьбы и сердца

Ее называют «брошенная»,
«Оставленная», «забытая».
Звучит это как «подкошенная»,
«Подрезанная», «подбитая».

Раздоры – вещи опасные,
А нравы у жизни строги:
Ведь там, где все дни ненастные,
А взгляды и вкусы разные,
То разные и дороги.

Мудрейшая в мире наука
Гласит, что любви не получится,
Где двое мучат друг друга
И сами все время мучатся!

Сейчас выяснять бессмысленно,
Кто прав был в их вечном споре.
Счастье всегда таинственно,
Зато откровенно горе.

А жизнь то казнит, то милует,
И вот он встретил другую:
Не самую молодую,

Но самую, видно, милую.

Должно быть, о чем мечталось,
То и сбылось. Хоть все же
Любимая оказалась
С судьбою нелегкой тоже.

И вот он, почти восторженный,
Душой прикипел влюбленной
К кем-то когда-то брошенной,
Обманутой, обделенной.

И странно чуть-чуть и славно:
Была для кого-то лишнею,
А стала вдруг яркой вишнею,
Любимой и самой главной!

А с первою, той, что в раздоре,
Кто может нам поручиться,
Что так же все не случится
И счастье не встретит вскоре?!

Покажутся вдруг невзгоды
Далекими и смешными,
И вспыхнут и станут годы
Празднично-золотыми.

Ведь если сквозь мрак, что прожит,
Влетает к нам сноп рассвета,
То женщин ненужных нету,
Нету и быть не может!

И пусть хоть стократно спрошенный,
Стократно скажу упрямо я:
Что женщины нету брошенной,
Есть просто еще не найденная.

Не найденная, не встреченная,
Любовью большой не замеченная.
Так пусть же, сменя напасти,
Быстрее приходит счастье!

Они студентами были

Они студентами были...

Они студентами были.

Они друг друга любили.

Комната в восемь метров —
чем не семейный дом?!

Готовясь порой к зачетам,
Над книгою или блокнотом
Нередко до поздней ночи сидели
они вдвоем.

Она легко уставала,
И, если вдруг засыпала,
Он мыл под краном посуду и комнату
подметал,
Потом, не шуметь стараясь
И взглядов косых стесняясь,
Тайком за закрытой дверью белье
но ночам стирал.

Но кто соседок обманет,
Тот магом, пожалуй, станет.
Жужжал над кастрюльным паром
их дружный осиный рой.

Ее называли «лентяйкой»,
Его – ехидно – «хозяйкой»,
Вздыхали, что парень – тряпка
и у жены под пятой.

Нередко вот так часами
Трескучими голосами
Могли судачить соседки, шинкуя лук
и морковь.
И хоть за любовь стояли,
Но вряд ли они понимали,
Что, может, такой и бывает истинная
любовь!

Они инженерами стали.
Шли годы без ссор и печали.
Но счастье – капризная штука,
нестойко порой, как дым.
После собрания, в субботу,
Вернувшись домой с работы,
Жену он застал однажды целующейся
с другим.

Нет в мире острее боли.
Умер бы лучше, что ли!
С минуту в дверях стоял он, уставя

в пространство взгляд.
Не выслушал объяснений,
Не стал выяснять отношений,
Не взял ни рубля, ни рубахи, а молча
шагнул назад...

С неделю кухня гудела:
«Скажите, какой Отелло!
Ну целовалась, ошиблась...
Немного взыграла кровь.
А он не простил – слышали?»
Мещане! Они и не знали,
Что, может, такой и бывает истинная
любовь!

Три друга

От трех десятков много ли сиянья?
Для ректора, возможно, ничего,
Но для студента это состояние,
Тут вся почти стипендия его!

Вот почему он пасмурный сидит.
Как потерял? И сам не понимает.
Теперь в карманах сквозняки гуляют,
И целый длинный месяц впереди...

Вдоль стен кровати строго друг за другом.
А в центре стол. Конспекты. Блока том.
И три дружка печальным полукругом
Сидят и курят молча за столом.

Один промолвил: – Надо, без сомненья,
Тебе сейчас не горе горевать,
А написать толково заявление,
Снести его в милицию и сдать.

А там, кто надо, тотчас разберется,
Необходимый розыск учинят.
Глядишь, твоя пропажа и найдется,
На свете все возможно, говорят!

Второй вздохнул: – Бумаги, протоколы...
Волынистое дело это, брат.
Уж лучше обратиться в деканат.
Пойти туда и жечь сердца глаголом.

Ступай сейчас к начальству в кабинет
И не волнуйся, отказать не могут.
Все будет точно: сделают, помогут,
Еще спасибо скажешь за совет!

А третий друг ни слова не сказал.

Он снял с руки часы, пошел и продал.

Он никаких советов не давал,

А молча другу деньги отдал...

Несколько слов о юности

Однажды меня спросили: «Эдуард Аркадьевич, вот вы учились когда-то в Литературном институте имени Горького. Скажите, что было самым характерным для тех ваших студенческих лет?»

Я задумался. А в самом деле, что? Может быть, тот, не совсем обычный по теперешним временам, контингент учащихся, который вместе с тем был таким характерным для тех первых послевоенных лет? Впервые, может быть, за все годы существования института аудитории его заполнили не мальчишки и девочки, не вчерашние десятиклассники, а уже зрелые ребята, бывалые фронтовики и те, кто в суровые военные годы стоял у станков или растил на полях трудные военные урожаи. Все верно. Все так. И все-таки нет, пожалуй, не это. Вернее, не только это. Не только возраст и замечательный опыт борьбы и труда, а еще и нечто другое. Говоря это, я имею в виду тот удивительный заряд энергии, поэзии, мужества и самого настоящего вдохновения, которым был переполнен буквально каждый студент, да и сам институт, от гардероба и до дверей деканата. Не знаю, как в других институтах, но в нашем Литературном было именно так. Переполненные до краев грозными событиями войны, участни-

ками которой были едва ли не все из нас, мы буквально кипели от страстного желания поделиться нашими мыслями и чувствами с людьми. Никакой официальности. Вместо нее – бурное море дискуссий, идей и страстей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.